

Татьяна
УСТИНОВА

Один день, одна ночь

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Один день, одна ночь : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-190976-5

Один день и одна ночь — это много или мало? Что можно разрушить, а что создать?..

В подъезде дома, где живет автор детективных романов Маня Поливанова убит ее старый друг, накануне заходивший на «рюмку чаю» и разговоры о вечном. Деньги и ценности остались при нем, а он сам не был ни криминальным авторитетом, ни большим политиком, ни богачом! Так за что его убили?

Алекс Шан-Гирей, возлюбленный Поливановой и по совместительству гений мировой литературы, может быть, и не похож на «настоящего героя». Он рассеян и очень любит копаться в себе. Тем не менее, он точно знает: разбираться в очередном происшествии, в которое угодила его подруга, предстоит именно ему.

Один день и одна ночь — это очень много! Они изменяют всю дальнейшую жизнь героев, и у них есть только один шанс сохранить самих себя и свой мир — установить истину...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190976-5

«Ты злой? — тихонько спросил Муми-тролль. — Ты ужасно плохой, страшный, кровожадный, беспощадный, да? О, ты славный, дорогой, маленький мой, мой, мой!»

Тове Янсон.

«Повесть о последнем в мире драконе».

Сегодня

...Приехал наряд, и скучные люди в скучных серых одеждах со скучными дерматиновыми папками под мышками стали осматривать тело. Они присаживались, обходили его кругом, то и дело задевали откинутую очень белую и неживую руку. Рука при этом шевелилась.

— Соседи обнаружили?.. — спросил кто-то из них скучным голосом, похожим на серый дерматин, и второй кивнул на высокую девицу, которая сидела на площадке между первым и вторым этажом, щурилась, курила и стряхивала пепел в громадную чистую хрустальную пепельницу. Пепельница стояла рядом на ступеньке. Обе, и девица и пепельница, были странные и здесь неуместные. — Все остальные жильцы жмутся к стенам, шепчутся, а эта посиживает себе! Покуривает. Ишь ты!..

— Только ты... поаккуратней с ней, — закрываясь от девицы папкой, пробормотал второй.

— А чего? В истерике?

— Да не в истерике она. Она... в телевизоре.

— Чего?!

— Да она какая-то, блин, писательница из этих... модных. Лелька моя от нее прям визжит!.. Только вчера по телику показывали, она там всех жизни учила...

— Вот, е-мое...

— То-то и оно...

Первый вздохнул и стал подниматься. Девушка смотрела на него внимательно, курила.

— Здрассте, — сказал он, не дойдя, и поправил под мышкой свою папку. — Капитан Мишаков. Ваш труп?

И побагровел от такой своей оплошности.

— Не совсем, — не моргнув глазом, отозвалась девушка и затушила сигарету. — Но я знаю чей. То есть я его знала, пока он еще не пришел в состояние трупа.

Капитан Мишаков, выправляя оплошность, заговорил нарочито громко и четко, и опять вышла глупость:

— Я имею в виду, это вы его обнаружили в состоянии трупа?

— Господи, помоги, — отчетливым театральным шепотом произнесла величественная бабка в атласном расписном халате, — до чего дошло!.. Так я и знала!

Капитан Мишаков посмотрел — соседи толпились, вытягивали шеи. Нужно всех разогнать по квартирам, послать лейтенанта опросить, а начать с бабки.

— Это Толя Кулагин, — продолжала девушка, не обращая внимания на зрителей, и кивнула в сторону трупа. — Он вчера у меня гостевал. Старый друг.

Капитан Мишаков пожал плечами, сбежал на несколько ступенек, призвал Павлушу-лейтенанта, вполголоса отдал указания, вернулся на площадку и пригласил девицу «пройти».

— Куда? — не поняла та, но послушно поднялась, сразу став на голову выше капитана.

Высокие женщины ему не нравились.

— Пройдемте в квартиру! Которая ваша?

В квартире — ого-го, такие все больше в кино показывают! — было сумрачно, очень тихо и хорошо пахло.

— Хотите? — спросила переставшая ему нравиться девица. — Кофе сварить?

— Простите, как имя-отчество ваше?

— Поливанова Мария Алексеевна.

— Мне бы документик.

— Вы проходите, — и Мария Алексеевна сделала приглашающий жест, — сейчас все будет: и кофе, и документики...

Из-под старинной разлапистой бронзово-ветвистой вешалки она вытащила портфель, довольно потрепанный, и пошла по коридору. Капитан двинул было за ней, но остановился и присвистнул, ничего не мог с собой поделывать.

Все стены широченного, как трамвайное депо, коридора занимали книги. Их было столько, что за ними не разглядеть полки, и казалось, книги просто растут из стен, начинаются на полу и заканчиваются где-то в невообразимой высоте, под матовыми лампами на длинных цепях.

Книги были навалены, наставлены, засунуты друг на друга, прислонены, подперты, втиснуты, они жили какой-то собственной, неизвестной ка-

питану Мишакову жизнью. В первый раз он видел живые книги.

— Я вам потом еще в кабинете покажу, — запросто, как другу, сказала девица и распахнула дверь на кухню. — Там еще больше! Считается, что прадед начал их собирать, но сдается мне, что у него уже была библиотека, когда...

— Здравствуйте.

В солнечном, ярком до слез после книжной темноты коридора оконном проеме маячил силуэт. Человек сидел на каменном подоконнике, босой, в джинсах и мятой футболке. На джинсах дырки. На голове кудри и локоны. В руке кружка.

У-у-у, подумал капитан Мишаков. Дело плохо.

— Вот мой документик. — И в руку ему ткнулся паспорт в затасканной обложке. — Вам с молоком и с сахаром?.. — спросила хозяйка.

— Вы тоже паспорт покажите, — буркнул капитан в сторону сидящего на подоконнике и наскоро пролистал страницы, которые сообщали, что Мария Алексеевна Поливанова родилась тогда-то, проживает согласно прописке здесь же, бездетна и в браке не состоит.

— Тогда уж и вы покажите! — произнес длинноволосый.

Капитан перестал листать.

— Что показать?

— Паспорт.

— Зачем?

— А мой вам зачем?

Мишаков рассердился.

Вот чего он терпеть не мог, так вот эдаких фанаберий!.. Сейчас еще про адвоката речь заве-

дет! Насмотрелись сериалов, буржуи проклятые, им бы только кофеек попивать да на подоконниках в рваных джинсах посиживать, а у него, у Мишакова, на руках, между прочим, труп! И вышеозначенный труп, между прочим, по собственному признанию хозяйки, вчера находился именно в этой квартире!..

— Па-а-апрашу паспорт! — неприятным голосом протянул Мишаков. — А удостоверение... вот оно. Пожалуйста.

— Маня, дай ему мой паспорт, — распорядился субъект на подоконнике, мазнув взглядом по удостоверению.

— А где он?.. — спросила Маня.

Кудрявый пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Вам с сахаром и молоком, товарищ капитан?

— Кулагин Анатолий Петрович кем вам приходится?

Кудрявый опять пожал плечами и отхлебнул из кружки. А на костяшках-то ссадины, отметил капитан, ничего себе!.. И свежие совсем! Видать, кому-то не далее как вчера в зубы дал, а на вид хлюпик хлюпиком!..

— Кулагин Анатолий Петрович мой старинный знакомый! — закричала откуда-то издалека девица. — Мы вчера с ним подрались!

Мишаков, не ожидавший такого скорого признания, опешил.

— Как... подрались?

— Маня преувеличивает, — произнес сидящий неприязненно. — Она всегда все преувеличивает. В силу профессии.

— Вот, пожалуйста, — сказала девица так близко, что капитан даже вздрогнул и оглянулся.

Чего это она то и дело появляется и исчезает?! Ей бы над старым другом безутешные слезы проливать, а она порхает, хоть и похожа... на лошадь, а лошади порхать не положено!

— Вот паспорт, а это ваш кофе. Я сахару побольше положила.

Капитан почему-то покорно взял и чашку, и паспорт.

Шан-Гирей Александр Павлович. Что за фамилия, чучек, должно быть, какой-то!.. Родился, женился, развелся. Прописан у черта на рогах, военнообязанный, детей нету.

На фотографии кудрявый и дырявый выглядел самым обыкновенным, ничем не примечательным человеком, и капитан вздохнул и поставил кофе на стол.

...Документики-то мы пока приберем, пожалуй. Для остратки. Известно, когда должностное лицо забирает паспорт и возвращать его как будто и не собирается, это всегда производит... соответствующее впечатление. Оказывает, так сказать, психологическое давление. А капитану Мишакову в данный момент очень важно на странную парочку психологически надавить!..

И он аккуратно и неспешно поместил паспорта в дерматиновую папку и даже «молнию» застегнул, вжикнул специально погромче.

Ни Мария Алексеевна, ни Александр Павлович на такое его «вжиканье» никакого внимания не обратили. Психологическое давление оказать не удалось.

Да ну их совсем!..

— Итак, Кулагин Анатолий Петрович вчера вечером находился здесь в гостях, я правильно понял?..

— Абсолютно, — отозвалась девица. — Два раза.

— Что значит... два раза?

— В первый раз Алекс его выставил, так он вернулся! Пришлось еще раз выставлять. Повторно.

— Алекс кто такой?

— Это я, — все с тем же неприязненным равнодушием представился чучмек в локонах, по паспорту Александр Павлович.

— Вы бы кофе попили, — посоветовала девица. — Остынет.

Мишаков покосился на крохотную чашечку со странно закрученной ручкой и непонятной картинкой.

Все в это доме непонятно и странно закручено.

— Вы, Александр Павлович, вчера тоже в гости приходили?

— Я здесь живу.

Что чучмек не гость, а хозяин, видно невооруженным глазом, это капитан уж просто так спросил!..

— Вы сказали, что вчера вечером с Кулагиным подрались. Из-за чего?..

— Во-первых, это не я сказал. Во-вторых, мы не дрались.

— Вы бы уж договорились между собой, — начал капитан Мишаков, стараясь, чтоб прозвучало добродушно, и отхлебнул кофе. Горячо! Вкусно! Надо бы Павлуше, лейтенанту, сказать, чтоб глянул наскоро на предмет синяков и ссадин на трупe,

а там дальше эксперты как следует посмотрят. — Вы бы договорились, чего врать станете! А то куда это годится! То дрались, то не дрались. Но на всякий случай хочу предупредить, что за дачу ложных показаний ответственность предусмотрена.

— Пока никто из нас никаких показаний не дает. — Чучмек оперся ладонями о каменный подоконник, свесил патлатую голову и теперь рассматривал собственные босые ноги. — Или тогда ведите протокол.

Вот терпеть Мишаков не мог всяких таких фанаберий!.. Тут уж и до адвоката недалеко! Сейчас начнет права качать и грозить международным трибуналом в Гааге! Слыхали мы эти песни. Эх, если б не девица из телевизора — капитан покосился на нее раздраженно, — отволлок бы сейчас этого в отделение, съездил пару раз по зубам, засадил в «обезьянник», живо бы тон сменил!..

— Выходит, вы не дрались?..

— Ничего не выходит, капитан. — Шан-Гирей перестал изучать свои ноги, поднял голову и уставился ему в глаза так, что Мишаков даже дрогнул немного, стул под ним громынул. — Этот ваш Кулагин вчера приходил к нам и очень плохо себя вел. Первый раз я его просто вывел на площадку. Но он через некоторое время вернулся, стал буяннить и...

— Алекс дал ему по физиономии, — влезла девица, — и мы его больше не видели.

Глаза за стеклами круглых очков сияли.

Вот хоть ты тресни, подумал капитан Мишаков, а каждая женщина на свете приходит в восторг, если мужчина в ее присутствии совершает «героический поступок»! Неважно какой. Матер-

щинника там приструнит, колесо поменяет, бабусе нищей двадцатку сунет. Женщине все равно. Главное, что — герой!

И этой, из телевизора, важно, что ее чучмек кому-то по морде съездил! Первобытно-общинный строй, что ни говори, а все туда же, эмансипированные они, свободные!..

Как бы не так — свободные!..

— Если вы отказываетесь сотрудничать, я вас сейчас заберу в отделение, и там мы во всем разберемся. Под протокол! — Капитан повысил голос, потому что чучмек явно собрался что-то возразить. — Итак, я спрашиваю: что произошло вчера вечером в вашей квартире? И еще, — Мишаков одним глотком допил кофе из диковинной чашки. — Кто из вас убил Кулагина Анатолия Петровича?

— Матерь божья, — пробормотал Шан-Гирей, отвернулся и стал смотреть в окно.

— Никто не убивал, — удивилась девица. — Что мы, с ума сошли, что ли?.. Очень нам нужно его убивать!..

— Он не стоит таких усилий, капитан, — глядя в окно, добавил Шан-Гирей.

Да ну их совсем!.. Психологический прием опять не сработал, а ведь хороший прием-то! Когда-то в Школе милиции следователь Петрушин, еще той, старой закалки следователь, учил их, желторотых юнцов: иногда и очень даже часто, особенно если убийство совершается на бытовой почве, преступник на прямой вопрос дает прямой ответ.

От растерянности дает. От неуверенности. От раскаяния, что сделал глупость — убил, а уже ничего не исправить!

Но эти двое не были растерянными и уж точно ни в чем не раскаивались!..

— Вы... не спешите? — с сочувствием спросила девица. — Как ваше имя-отчество?

— Сергей Петрович!

— Я вам сейчас все расскажу, Сергей Петрович, — пообещала девица. — Только это будет... долго. Ничего?..

Вчера

Писательница Марина Покровская — в миру Маня Поливанова — поняла, что больше ни секунды не сможет провести за компьютером, ну просто ни одной секунды! Отрываться было жалко — там, у нее в романе, дело шло к развязке, и герой уже почти догадался, кто убийца, и героиня уже почти догадалась, кого она любит, и убийца почти догадался, что должен спешно уносить ноги, а тут, как назло, у автора силы кончились!..

— Охо-хонюшки-хо-хо, — под нос себе пробормотала писательница Поливанова и потеряла глаза под очками.

Очки немедленно свалились с носа, пластмассово клацнули по клавиатуре. Маня испуганно посмотрела, не разбились ли.

Ничего, целы.

Очень хотелось есть, пить, спать и как-то подвигаться — все одновременно.

Маня тяжело выбралась из-за стола и проделала некое антраша, очень неловко. В глазах потемнело, в голове загудело, и пришлось схватиться за край массивного письменного стола, чтобы не упасть.

— Уработалась что-то, — громко сказала Маня, хотя точно знала, что ее никто не услышит. — Так нельзя, матушка. Скоро к стулу прирастете, отдирать придется.

...Алекс уехал на какое-то интервью, давно, еще в обед. Давать интервью он терпеть не мог, долго ломался, скулил, ныл, говорил, что не поедет, и не уговаривайте, хотя сразу было понятно — поедет, никуда не денется. Об этом хлопотала сама Анна Иосифовна, очень мило:

— Алекс, душа моя, сделайте одолжение! Я так редко о чем-то вас прошу, ведь правда? Много времени это не займет!

«Душа» Алекс согласился, конечно, но зато душу из Мани вынимал... долго и основательно.

Так полагалось по правилам игры.

Правила были чрезвычайно просты. Все, что делает Александр Шан-Гирей — писатель Алекс Лорер, — чрезвычайно важно, талантливо, первостепенно и грандиозно. В масштабах человечества, разумеется.

Все, что делает Мария Поливанова — писательница Марина Покровская, — не имеет никакого значения, узко, мелко и годится лишь для кратковременного развлечения. Человечество ни при чем.

«Талантливый и грандиозный» Алекс Лорер создавал самые настоящие шедевры, романы, признанные во всем мире.

«Узкая и мелкая» Покровская — на самом деле рослая и довольно крупная — строчила детективы, которые, как известно, презирают все: и критики, и журналисты, и сами писатели. Кро-

ме, собственно говоря, читателей, среди которых есть и критики, и журналисты, и сами писатели. Для них-то, для читателей, Маня и старалась.

Сегодня особенно — вон чуть в обморок не повалилась прямо у письменного стола!..

Повздыхав, Маня с сожалением закрыла крышку ноутбука с нарисованным молочно-белым яблочком, очень соблазнительным, и подумала, что неплохо было бы на самом деле яблоко съесть, но где ж его взять?.. Ехать на рынок нет сил, да и поздно уже, восьмой час, послать «человека» тоже нет никакой возможности. «Человек» уехал давать интервью, и когда явится к очагу — неизвестно.

Вот если бы у меня была дача в Малаховке, мечтала Маня по дороге на кухню, я бы вкопала в саду круглый стол, а на него бы поставила корзину, и в ней всегда были бы яблоки — красота!.. Еще у меня была бы беседка, классическая, дачная, как во внутреннем дворе «Алфавита», увитая диким виноградом, с широкими лавками и дощатым полом, на резные перила брошен клетчатый плед.

Отчасти Маня Поливанова в данный момент напоминала самой себе помещика Манилова из Гоголя, который желал, чтоб непременно был пруд, а через пруд чтоб мост, а на мосту чтоб купцы и лавки!..

И в холодильнике не нашлось ничего утешительного!.. Два куска сыру, но разве ж это утешение!.. Алекс любил сыр, а Маня не очень, хотя знала, что сыр и красное тосканское вино — это правильно, это положено любить.

Чего бы поесть?.. Маня задумчиво почесала ногу через дырку в джинсах и захлопнула холодильник.

— Чижа захлопнула злодейка-западня! — провозгласила она.

Может, красного тосканского вина тяпнуть? И заесть его сыром, как положено?..

Грустно, когда дома нет никого и некому сказать, что устала, когда в холодильнике шаром покати, а в спине кости цепляются друг за друга, ноют, мешают жить, и в голове какая-то ерунда про Манилова и чижа!

Грустно, когда успехи и победы или усталость и неразбериху мыслей не с кем разделить и никому дела нет...

— Никому — это кому? — сама себя спросила Маня Поливанова, наугад вытащила с полки вино и подслеповато уставилась, пытаясь разобрать, тосканское оно или нет. — Никому — это значит Алексу, правда же, голубушка? Только он вас интересуется!

Не разобрав, что написано, Маня водрузила бутылку на стол.

— Он занимал все ее мысли, — торжественно произнесла она и приналегла на штопор, который что-то плохо вкручивался. — Душа ее ни об чем так не убивалась, как об нем!..

Маня вытащила длинную влажную пробку и понюхала — по правилам обязательно нужно понюхать. Пахло хорошо, как будто листьями, травой и черной смородиной.

Вот если, к примеру, позвонить Викусе или Катьке Митрофановой, они непременно приедут

и ее спасут! Пожалуют бедную усталую Маню, дадут поесть, расскажут, как там, на воле, где постепенно разгорается лето!..

Викуся еще, должно быть, скажет, что дождик сейчас был бы очень кстати, а то у нее на даче огурцы горят, или, может, петрушка, или баклажаны, Маня в огородничестве ничего не смыслила... Тетя очень любила дачную жизнь и всячески пыталась приобщить к ней племянницу, но что это за дача — шесть соток с грядками, ступить некуда, садовый домик в полторы неудобные комнатки, где в одном углу ютились плитка с газовым баллоном и стол, крытый жесткой изрезанной клеенкой со скрученными от старости краями, а в другом лопаты, грабли и ведра — все это внутри, чтоб не сперли!..

Впрочем, в прошлом году Викуся «окончательно решила», что так больше продолжаться не может и племянница должна переехать за город и ни минуты не задыхаться больше в «душной Москве, ни одной минуты!». Был прикуплен участок где положено, на северо-западе, правда, в чистом поле, ни дерева, ни кустика, только развороченная бульдозерами земля до самого горизонта. Ни Маня, ни Викуся толком не знали, как именно следует строить загородные дома, и дело продвигалось медленно и совсем не так, как представлялось в начале дачной эскапады. Круглый, утирающий красное лицо и подпрыгивающий на месте, как пыльный детский мячик, дядька-прораб во всем с Викусей соглашался, называл ее «хозяйюшка», но поделывать ничего не мог — строили кое-как, и выходило очень дорого. Викусе постепенно все надоело, хотя она и делала вид, что не сдает-

ся, и в последнее время они даже стали ссориться с Маней. Тетушке казалось, что Маня все «свалила на ее плечи, а сама ничем не интересуется».

В общем, так оно и было, но интересоваться у Мани решительно не было возможности и сил — она зарабатывала деньги на «большое строительство».

Тут писательница Поливанова вздохнула, сознавая собственное несовершенство.

...Вот если бы у меня была дача в Малаховке, с соснами и зарослями бузины и жасмина, в которых всегда таинственно и прохладно, с самоваром, растопленным на шишках, с дивным кустом пионов под окном спальни — окно распахнуто, ветер вздувает кружевную штору, — тогда бы я непременно...

В дверь позвонили.

Обрадованная Маня кинулась открывать — вернулся, ура, ура, сейчас вместе будем пить вино и заедать его сыром, это ведь так вкусно, — и только у самого порога сообразила, что Алекс не стал бы звонить. У него ключи есть.

Маня Поливанова нажала кнопку на домофоне и сначала удивилась, потом огорчилась, а потом решила притаиться.

Никого нет дома!..

— Поливанова, открывай! — во весь голос закричал человек на площадке, и она подалась назад от неожиданности. — Давай, давай, шевелись! Где ты там пропала?..

Маня с другой стороны двери несколько раз стукнула лбом в стену, помедлила и отперла. Деваться теперь некуда.

— Ты спишь, что ли, кулема?! — Незванный гость, который, как известно, хуже татарина, отдуваясь, протиснулся мимо нее. — А лифт чего, не работает?

— Про лифт не знаю, а я работаю, — холодно сообщила Маня Поливанова. — Привет, Анатоль. Проходи. Ты бы хоть позвонил сначала, что ли!..

— А я телефон вчера про... подевал куда-то! А про работу свою ты мне-то не заливай! — Один об другой он стянул с ног ботинки и приложился к Маниной щеке мокрым поцелуем. От него пахло дорогим одеколоном и чуть-чуть спиртным. — Журналистам будешь заливать! Можно подумать, я ничего не знаю про твою работу!

Маня немедленно поклялась себе, что заводится ни за что не станет. Она будет мила, гостеприимна, любезна, как и полагается со старым другом.

— Ну чего? — Он оглядел ее с головы до ног. Маня машинально пригладила очень короткие растрепанные волосы. — Все толстеешь?..

Он пошел по коридору совершенно по-хозяйски и велел издали:

— Займись физкультурой, Машка! Похудеть не похудеешь, но хоть расти как на дрожжах перестанешь!..

...А что поделаешь?.. Старый друг. Лучше новых двух. Где бы взять двух новых и обменять их на этого старого?..

— Или не жри после шести! Вот я перестал и — видишь?..

В глубине коридора он стал к ней боком и втянул живот изо всех сил. Маня сказала, что видит.

— Я после шести только из-за компьютера вылезаю, — словно оправдываясь, добавила она. — Или после восьми. А бывает, и ночью, смотря как пойдет!

— Поливанова, ну чего ты?.. Как будто я твоих книженций не видал! Это ж все задней левой ногой делано, их можно дюжину в неделю писать!.. И людей можно нанять, они все за тебя напишут, какая, на хрен, разница!.. Это же вообще не работа.

Маня Поливанова никогда не могла понять — старый друг оскорбляет ее намеренно или у него просто такие... своеобразные представления о ней и ее жизни?..

— А где твой гений? Бросил тебя уже или еще нет?

— Еще нет, — бодро откликнулась Маня. — Хочешь вина?

— Смотри ты! — удивился Анатолий. — Сколько он уже продержался? Год? Или даже больше?.. Вина я не пью, ты же знаешь, я лучше коньячку достану!..

И полез в пузатый прадедушкин буфет.

Маня постояла в дверях гостиной и ушла на кухню. Внутри головы у нее образовался крохотный, как будто свинцовый, шарик, очень тяжелый и холодный. Маня знала, что дальше он начнет неудержимо расти, и часа через два вместо головы у нее будет огромный, холодный металлический шар.

Маня плеснула себе вина, залпом выпила и достала из холодильника сыр.

— Есть нечего, конечно? — осведомился Анатолий, появляясь на пороге. В руках он держал увесистую круглую бутылку и два коньячных бо-

кала. — Ну до чего вы, бабы, дуры, а?.. У тебя же вроде мужик в доме, а на стол подать нечего!

Маня, которая считала себя образцовой хозяйкой, возразила, что к приему гостей сегодня не готовилась и закупками провианта не занималась.

— И потом, ты же после шести не ешь, — напомнила она с некоторым злорадством. — Соблюдаешь красоту.

Он махнул на нее рукой.

— Один раз можно. На меня бабы знаешь как бросаются?..

— Как? — тут же спросила Маня, и Анатоль глянул на нее с подозрением.

Фамилия его была Кулагин, Анатодем он стал непосредственно по прочтении бессмертного романа графа Толстого «Война и мир». Анатоль Куракин — вот кто перепахал его неокрепшее юношеское воображение! Маня смутно помнила разговоры в семье о том, что дедушка и бабушка нынешнего Анатоля, тогда еще просто Толика, были всерьез обеспокоены и делились переживаниями с Маниными родственниками. Со всей силой изобразительного таланта граф, как известно, живописал Анатоля первостатейным подлецом, и что именно привлекало в нем Толика, для бабушки и дедушки оставалось загадкой. Маня помнила какие-то тревожные разговоры про «молодое поколение», «крушение идеалов», «слишком легкую жизнь».

Тревожные разговоры велись в этой самой квартире, за чайным столом, под молочной люстрой на бронзовых цепях, заливавшей уютным светом белую скатерть. Под этим светом особенно